

Часть вторая. ПАРАДОКСЫ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

Глава 3. Сирийский тупик

После падения режимов Бен Али в Тунисе и Хосни Мубарака в Египте в начале 2011 г., а также начавшейся ликвидации Ливийской Джамахирии вместе с ее руководителем Муаммаром Каддафи Арабская весна продолжала свое шествие по Арабскому миру. Но ее результаты в разных странах были различными. Так, социально-политические потрясения Ираке, Иордании, а также в Бахрейне не привели к крушению их режимов. При этом в этих трех государствах антиправительственные выступления вообще постепенно угасли (в Бахрейне, правда, это было обеспечено бронетехникой Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива). Зато в Сирии и Йемене конфликты приняли затяжной характер, причем в Сирии режим пока еще устоял, а в Йемене в конце концов все-таки пал (о Йемене см. следующую главу).

Причины сирийского кризиса и его специфика¹

Имелись различные причины возникновения кризиса в сирийском обществе в 2011 г., часть из которых мы указывали в *Главе 1*: слишком долгое нахождение у власти Б. ал-Асада (с учетом фактической передачи ему этой власти от отца), коррупция, несправедливость, рост численности образованной молодежи, ухудшение социально-экономического положения и многое другое. Но ряд важных причин лежал уже в самой демографической структуре населения Сирии и сложившейся системе распределения ресурсов и благ. Общее население Сирии на 2011 г. составляло приблизительно 22 млн чел [World Bank 2014; 2015]. Среди этнических групп арабы составляют несколько менее 90 %, курды – около 10 %, остальное приходится на туркоманов, армян, выходцев с Северного Кавказа («черкесов»), айсоров и др.; среди конфессиональных групп мусульмане составляют 87 %², из которых подавляющее

¹ О причинах сирийского кризиса и некоторых подробностях внутрисирийского конфликта см. также в *Главе 5*.

² Если, конечно, рассматривать алавизм как направление шиизма, а не как самостоятельную религию, выделившуюся из ислама [см., например: Friedman 2010].

число – сунниты (более 70 %), а иные мусульманские и околумусульманские конфессии – порядка 14–15 %, среди которых преобладают алавиты и в очень незначительной доле присутствуют близкие к ним в современных сирийских условиях шииты-двунадесятники и исмаилиты; христианские конфессии, среди которых преобладают православные и яковиты, составляют порядка 10 %, присутствуют также друзы – около 3 % [World Bank 2014; 2015].

При линейном взгляде на эту статистику не вызывает сомнения доминирующее положение арабов-суннитов в этноконфессиональной картине страны, но при этом господствующее положение в политике, экономике и военной структуре занимает немногочисленная группа арабов-алавитов. Отсюда напрашивается вполне логичный вывод о том, что протестное движение неминуемо должны возглавить арабы-сунниты как представители этноконфессионального большинства, что, собственно, и произошло уже на первых этапах развития политического процесса в 2011 г. Но затем на ситуацию повлияли и другие факторы, в том числе курдский.

Сложная обстановка в Сирии была не в последнюю очередь обусловлена мощнейшей информационной кампанией против руководства этой страны, запущенной странами Запада и аравийской шестеркой в масштабах, ничуть не уступающих прежнему информационному давлению на Ливию. При этом в ход шли дезинформация и прямая подтасовка фактов в огромных масштабах, запугивание, истерия и т. п. [см.: Al Qallab 2014; Jego 2013; Деде 2012]. Режим Башара ал-Асада, и без того нелюбимый монархами Персидского залива (подтверждением этому стал саммит Лиги арабских государств, прошедший в марте 2008 г. в Дамаске и бойкотированный едва ли не половиной стран-членов), после широко освещаемых событий 2011 г. приобрел еще больше противников. В их ряды влились исламистские силы, выигравшие первые после Арабской весны парламентские выборы в Тунисе и Египте³, а также ливийский Национальный переходный совет, на который оказывали давление настроенные против Сирии местные исламисты и западные спонсоры ливийских революционеров.

Основной упор противники президента ал-Асада делали на традиционные сирийские проблемы, серьезно усугубившиеся в последние годы. Речь идет об увеличении (по некоторым оценкам до 15 %)

³ Позиция официального Каира заметно изменилась после «антиисламистского» переворота 2013 г. и прихода к власти военных во главе с Абд ал-Фаттахом ас-Сиси.

курдского меньшинства за счет наплыва беженцев из Турции и Ирака, о политическом «пробуждении» секты друзов на юге страны и о растущей враждебности Турции, пытающейся заменить иранское влияние в Дамаске собственным. Кроме того, к началу XXI в. в этой стране заявили о себе и новые глубинные факторы, также подталкивающие сирийское общество к кардинальным переменам.

Оставаясь на протяжении десятилетий союзником Советского Союза, Сирия представляла собой социально ориентированное государство, перенимавшее советскую модель экономического планирования. Накопление финансовых ресурсов шло в основном за счет внешних факторов: экономическая и военная поддержка со стороны СССР и арабская нефтяная поддержка в рамках так называемой «арабской солидарности», только с 1975 по 1980 г. обеспечившей стране поступление 4 млрд долларов, стимулировали нормальный экономический рост. Правда, уровень внутреннего накопления составлял тогда лишь 12 % при норме в 25 % [World Bank 2012], а эндемическая коррупция не позволяла большей части «внешних денег» работать на сирийскую экономику [Transparency International 2013].

В те годы у сирийцев сформировалась прочная зависимость от иностранного капитала, из-за которой после падения цен на нефть, повлекшего за собой сокращение финансовой помощи в рамках «арабской солидарности», и распада СССР страна оказалась неподготовленной к самостоятельной перенастройке экономической модели. Бывший президент Сирии Хафез ал-Асад постоянно искал новые внешние ресурсы, способные обеспечить экономический рост, но его усилия не приносили ощутимых результатов. С приходом к власти в 2000 г. молодого президента Башара ал-Асада поиски новой стратегии стали более интенсивными. Новая экономическая политика предусматривала, в частности, снижение государственной роли в регулировании экономики, внедрение рыночных начал, отказ от многих социальных обязательств государства. В рамках такого курса были постепенно отменены государственные дотации на хлеб, рис, зерно и прочие продукты питания. Социальная ситуация особенно резко ухудшилась после отмены в начале 2000-х гг. дотаций на мазут: его резкое подорожание привело к 4%-ному падению промышленного производства и ощутимому снижению уровня жизни большинства сирийцев.

О том, что в отличие от других стран Арабской весны в Сирии перед началом волнений могло наблюдаться реальное снижение

уровня жизни значительных слоев населения, свидетельствует следующее обстоятельство: несмотря на быстрые темпы роста ВВП, наблюдавшиеся в стране (как, впрочем, и во всех остальных арабских государствах) в 2000-е гг., Сирия была единственной страной Арабской весны, где в преддверии ее начала наблюдалось снижение средней ожидаемой продолжительности жизни населения (во всех остальных этих странах в те же годы фиксировался ее неуклонный рост) (см. Рис. 3.1; см. также *Главу 1*).

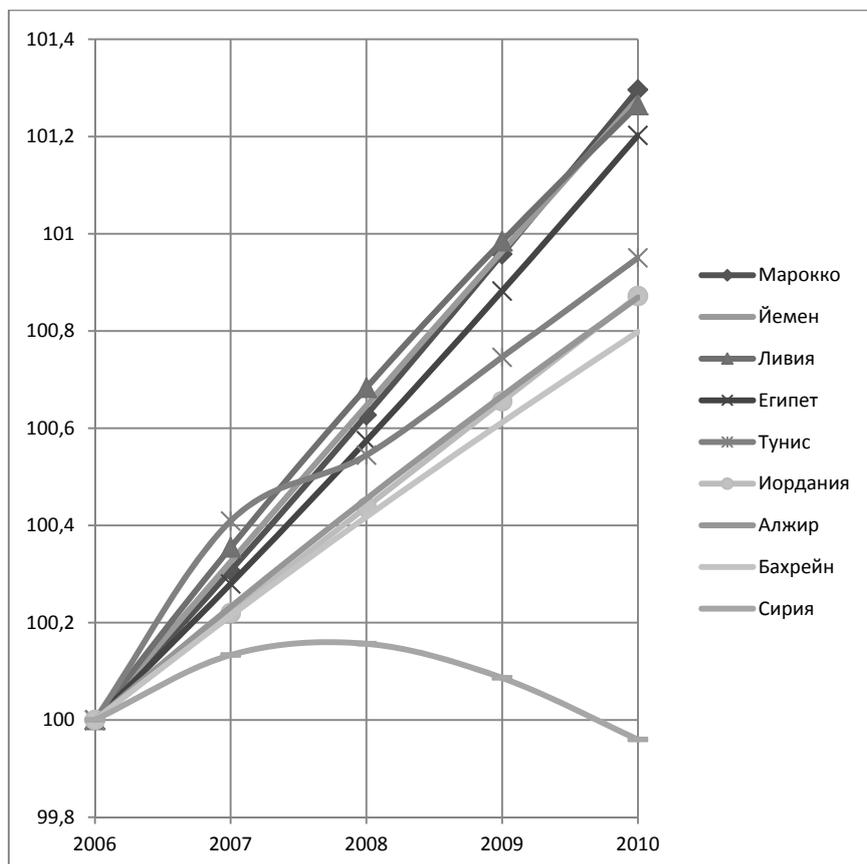

Рис. 3.1. Относительная динамика ожидаемой продолжительности жизни в странах Арабской весны в годы, предшествовавшие ее началу (уровень 2006 г. = 100)

Источник данных: World Bank 2015.

Все более очевидным становился факт несоответствия старой политической системы новым экономическим реалиям.

Правящий режим Сирии и его опора. Это прежде всего семья ал-Асада и правящая партия «Баас», заинтересованная в сохранении статус-кво и недопущении иностранной интервенции. Как уже было отмечено выше, значительную часть руководства страны к моменту возникновения социально-политической напряженности составляли алавиты, их влияние во многом способствовало тому, что в целом вооруженные силы Сирии сохраняли верность режиму. Несмотря на то, что сведений об этноконфессиональном составе регулярной сирийской армии на сегодняшний день не так уж много, исторически алавиты занимали довольно весомые позиции в вооруженных силах – во всяком случае, со времен обретения страной независимости. К 1955 г. более половины рекрутируемых сержантов были алавитами. В отличие от них более обеспеченные сунниты были в меньшей степени предрасположены к военной службе и политике корпоратизма баасистов [Batatu 1999]. К концу XX в. алавиты составляли уже более 60 % офицерского корпуса регулярной сирийской армии. В настоящее время основная часть призывной силы формируется из суннитов, однако алавиты, как уже упоминалось, продолжают доминировать в офицерском составе и занимать ключевые посты [Syria... 2012].

Стоит иметь в виду, что, несмотря на многочисленные проблемы в системе управления страной, режиму Б. ал-Асада удалось установить определенный баланс между различными группами населения, в первую очередь этническими и религиозными; это в условиях поликонфессиональности и полиэтничности страны, а также с учетом непростой миграционной ситуации представляется одним из важных внутривнутриполитических достижений.

Однако, как мы видели выше, проблем накопилось предостаточно, и оппозиция воспользовалась удобным случаем.

Режим Б. ал-Асада, как и режим его отца, исторически опирался на силовые структуры. Эта зависимость в самый ответственный момент не позволила сирийской элите понять, что в периоды острых фаз социально-политической напряженности управление обществом с позиции силы может стать неэффективным. К неприятностям нужно было готовиться, тем более что за несколько лет до нынешнего кризиса предвестниками серьезных испытаний для

сирийского режима уже стали неудавшийся государственный переворот, который в 2005 г. возглавил вице-президент Абдель Халим Хаддам, и развернувшееся в августе 2006 г. противостояние между Израилем и поддерживаемой сирийцами ливанской организацией «Хезболла». Ухудшение социально-экономического положения, усугубляемое тотальной коррупцией, постоянно подогревало напряженность в обществе, которая к началу 2011 г. достигла апогея. Для социального взрыва достаточно было одной искры, и ею стали известия о событиях в Египте.

Антиправительственные демонстрации и волнения в Сирии начались 26 января 2011 г., то есть на следующий день после первых масштабных протестов на площади ат-Тахрир в Египте, причем начались они точно так же, как в Тунисе, Египте и Йемене, – с акта самосожжения (применительно к Сирии речь идет о самосожжении жителя провинциального города Ал-Хасаки [Шишкина 2012]). Однако антиправительственные выступления вплоть до середины марта, хотя и происходили в целом ряде городов, включая столицу, не носили массового характера. В середине же марта они уже приобрели таковой.

Режим ал-Асада допустил серьезную ошибку, слишком решительно прибегнув к силовому подавлению мятежа. Из антиправительственных выступлений в Арабском мире в 2011 г., а особенно из опыта Туниса и Египта, сирийскому правительству следовало бы извлечь важный урок: применение силы не вовремя способно производить эффект, обратный ожидаемому. Ограничив силовые акции лишь через три месяца после начала выступлений, власти потеряли много времени и обрекли себя на затяжной выход из кризиса. К этому моменту сирийский спецназ уже воспринимался людьми как злейший враг мирного населения. Дискредитировав себя, специальные службы Сирии оказались в уязвимом положении, которым не преминули весьма цинично воспользоваться оппозиционеры, применив старый метод – провокационное убийство собственных сторонников⁴. Так, по заявлению секретаря Национального комитета объединения сирийских коммунистов Кадри Джа-

⁴ Такой метод возбуждения ненависти к правительству с удивительной схожестью даже в деталях применялся в самых разных странах, регионах и периодах: от Литвы в 1991 г. до Киева в 2014 г. [см.: Исаев, Шишкина 2014б]. И это не может не наводить на мысль о том, что режиссеры данных революционных спектаклей учились в одной школе.

мия, являющегося одним из представителей внутрисирийской оппозиции, на стороне противников режима работали специальные команды снайперов, стрелявших по своим – участникам антиправительственных демонстраций. Работа такого стрелка всегда снималась его напарником-оператором, а видеозапись убийства незамедлительно выкладывалась в Интернет с комментарием, приписывающим его силам правопорядка. Кстати, на этот факт обращали внимание не только зарубежные СМИ, но и некоторые сирийские оппозиционеры [см.: Боровикова 2012].

Тем не менее сирийский режим оказался достаточно прочным, несмотря на все давление изнутри и снаружи.

Какое-то время одним из факторов его прочности служило отсутствие на территории страны ярко выраженного оппозиционного района. Бенгази и Адждабия были портовыми городами, куда напрямую могли заходить корабли союзников Переходного национального совета (ПНС) Ливии, кроме того, приграничный Египет, находящийся в состоянии послереволюционной неразберихи, выразил полную поддержку повстанцам из Киренаики. В случае с Сирией ее соседи Ливан и Ирак, с которыми граничит провинция Хомс, на сегодняшний день поддерживают режим ал-Асада, что затрудняет открытую поставку вооружения. А Дераа, будучи небольшим провинциальным городом с населением в 60 тыс. человек, попросту неспособен стать центром сопротивления подобно Бенгази, второй столице Ливии. Радикально настроенная оппозиция, находящаяся за пределами Сирии, преимущественно в Стамбуле, пыталась влиять на ситуацию извне, посылая своих боевиков. Однако долгое время шансы раскачать столь монолитный режим, как сирийский, были не слишком высоки, особенно если принять во внимание мощь сирийской армии, по праву считающейся одной из самых сильных в Арабском мире.

Также отметим, что с начала антиправительственных выступлений в марте 2011 г. сирийская элита сохраняла монолитность и целостность. Не нашлось ни одного сирийского дипломата, который предал бы руководство страны. В рядах сирийской армии не наблюдалось случаев массового дезертирства. Даже внутренняя сирийская оппозиция продолжает настаивать на разрешении социально-политических противоречий исключительно путем переговоров и реформ.

Следует также учитывать, что большинство населения Сирии в течение долгого периода продолжало поддерживать президента и его партию, особенно после отмены чрезвычайного положения и упразднения цензуры прессы, а также обещаний отказаться от руководящей роли партии «Баас» и провести свободные выборы.

Примечательно, что в целом сирийская молодежь, особенно в университетской среде, была настроена проправительственно и принимала активное участие в демонстрациях в поддержку режима Башара ал-Асада. Вполне вероятно, что важную роль в этом случае сыграл выступающий против революционных настроений Национальный союз сирийских студентов (*ал-Иттихад ал-уатани ли-м-талаба ас-сурийин*) – весьма масштабная организация, обладающая значительными ресурсами и пользующаяся авторитетом среди студентов. Кроме того, по заявлениям руководителей наиболее крупных университетов – Дамасского, Алеппского, Тишринского и других, – около 95 % их профессорско-преподавательского состава были так или иначе связаны с правящей партией «Баас».

Основные силы сирийского конфликта

Правящий режим как актер сирийского конфликта уже был рассмотрен нами выше. Изучение других основных акторов в сирийском противостоянии начнем с позиции курдского населения, которая многое объясняет в ситуации внутри Сирии и политике ее соседей, особенно Турции, а далее рассмотрим так называемую оппозицию, внешних противников и внешних союзников.

Курды. Ситуация с курдским меньшинством неоднозначна. Его численность в Сирии, как уже отмечалось выше, сильно выросла в последние годы (о курдском факторе и его влиянии на позицию Турции в сирийском конфликте см. также в *Главе 5*). По сравнению с прочими этническими и конфессиональными группами курды не слишком активно участвовали в народных выступлениях. Это объясняется тем, что сирийская оппозиция поддерживается Турцией. Опасаясь кардинальной смены руководства страны и установления опекаемой турками диктатуры, сирийские курды предпочитают мириться с нынешним положением вещей, воздерживаясь от масштабных проявлений недовольства. Кроме того, они почти не представлены в Национальном собрании Сирии. По словам лидера сирийско-курдской партии «Йекиги» (Демократический

союз) Хасана Салеха, в районах компактного проживания курды подвергаются меньшим гонениям, чем в арабских областях, однако их активистов время от времени арестовывают [Erlich 2011]. Одним из объяснений этого обстоятельства может послужить тот факт, что курды, до прихода волны беженцев составлявшие в районе 8–10 % от почти 23-миллионного населения Сирии, расселены в основном в северо-восточной части страны, которая стратегически важна для сирийского правительства: именно здесь локализованы и без того ограниченные запасы нефти.

Национальное движение курдских партий Сирии, состоящее из двенадцати партий, проигнорировало саммит сирийской оппозиции, состоявшийся в турецкой Анталии в конце мая 2011 г. Оно аргументировало это тем, что любая подобная встреча лишь повредит курдскому населению Сирии, поскольку Турция жестко и систематически подавляет любые политические и социальные устремления курдов. Представитель курдской партии левых Салех Кадо утверждал, что курды, проживающие в Сирии, категорически не доверяют Турции и проводимой ею политике, что и стало причиной бойкота саммита [Shikhani 2011].

Кроме того, с самого начала сирийского кризиса Башар ал-Асад взял курс на сближение с курдами. В частности, уже в апреле 2011 г. был издан президентский указ о предоставлении сирийского гражданства курдам, проживающим в северо-восточной провинции Ал-Хасака. Тем самым курдам был дан важный сигнал о готовности режима идти по пути дальнейшего расширения их прав в направлении автономии (о курдском факторе см. также *Главу 5*). После этого чаша весов в курдском общественном мнении, колебавшемся между режимом и оппозицией, качнулась в сторону сотрудничества с режимом. Подтверждением этому стала августовская встреча оппозиции 2011 г. в Стамбуле (завершившаяся созданием Сирийского национального совета), в которой приняли участие только две курдские партии.

Внутренние противники режима Асада. Это внутрисирийская оппозиция⁵, требующая проведения социально-политических

⁵ Принято делить оппозицию в Сирии на системную и внесистемную, или патриотическую и непатриотическую. К первой группе следует относить внутрисирийские организации, выступающие за разрешение ситуации в стране путем переговоров, без вмешательства извне (например, Коммунистическую партию Сирии), в то время как ко второй

реформ, внесения поправок в конституцию, освобождения политических заключенных и др. (более подробную информацию о сирийской оппозиции см. в *Главе 5*). Условным ядром внутрисирийской оппозиции является Координационный совет за демократические перемены (*Хай'ат ат-тансик ал-уатаниййа ли-т-тагйир ад-димукратийй*), пропагандирующий мирные протесты как единственно возможный инструмент свержения действующего режима и отрицающий любую возможность иностранного вмешательства в дела Сирии [Foreign Policy 2011]. Принципиальность Координационного совета в этих вопросах не позволила ему установить диалог с так называемой внесистемной оппозицией в лице Сирийского национального совета (*ал-Маджлис ал-уатанийй ас-сурийй*) и Свободной сирийской армии, которые позитивно оценивали перспективы введения бесполетной зоны над Сирией и т. д.

Характерной чертой внутренней оппозиции в Сирии является ее крайняя неоднородность и отсутствие бесспорных лидеров, способных четко артикулировать требования противников режима, отстаивать их интересы и соответственно вести продуктивный диалог с представителями режима. К слову, в начале мая 2011 г. власти страны решили начать переговоры с оппозиционерами, поиском переговорщиков среди манифестантов занялся советник президента Башара ал-Асада Бусейна Шаабан, однако эти попытки не увенчались успехом. Впрочем, разобщенность и отсутствие единого центра иногда способствовали успеху оппозиционных сил, позволяя им оставаться мобильным и практически неуязвимым движением.

Зарубежная оппозиция стремилась к отставке президента, роспуску кабинета министров, принятию новой конституции, созданию Национального переходного правительства. Наиболее заметной составляющей внешней оппозиции в Сирии стала так называемая Свободная сирийская армия – организация со штаб-квартирой в Турции, принимающая в свои ряды дезертировавших военных [White 2011] и пользующаяся поддержкой со стороны «Братьев-мусульман». Свободная сирийская армия устраивала нападения на армейские подразделения, полицейские посты и т. д., что дает основания характеризовать ее как сеть вооруженных группировок с террористическим уклоном.

принадлежат структуры, настаивающие на поддержке со стороны внешних сил, к числу которых относятся Свободная сирийская армия и Совет национального спасения.

17 июля 2011 г. в Турции был сформирован оппозиционный Национальный совет Сирии, первое собрание которого состоялось в Стамбуле. В Совет вошли представители исламистских и либеральных движений, а также независимые кандидаты – в общей сложности 25 человек. Национальный совет Сирии получил признание со стороны Франции, Испании и Ливии: так, в ноябре 2011 г. министр иностранных дел Франции Ален Жюппе заявил, что данная организация является легитимным партнером по переговорам [Rettman 2011], а члены Переходного совета Ливии признали его в качестве единственного законного правительства Сирии [New Libyan... 2011].

Исламисты. Одним из наиболее влиятельных компонентов сирийской оппозиции с самого начала кризиса являлись исламисты. В середине 2012 г. появился первый неожиданный фактор в характере сирийского конфликта, который вскоре поставил под вопрос всю стратегическую линию действий внешних по отношению к нему сил. Уже в ходе боев за Алеппо выяснилось, что лидирующей силой в боевых столкновениях оказалась вовсе не Свободная сирийская армия (ССА), а никому дотоле неизвестная организация «Джабхат ан-Нусра». Силы ее стали стремительно нарастать, к ней присоединились около десятка других организаций исламистской направленности, которые до этого действовали под эгидой ССА. Поэтому к концу 2012 г., на который было намечено создание единой политической силы сирийской оппозиции, поддерживаемой арабскими и западными странами с военной опорой на ССА внутри Сирии, последняя уже утратила роль ведущей силы, а на ее место выдвинулась «Джабхат ан-Нусра».

Внешние противники режима ал-Асада. Таковыми являются США и страны «Аравийской шестерки» (а также Турция и Израиль), выдвигающие требования отставки президента, роспуска кабинета министров и ориентированные на вытеснение влияния России из региона, возможность влиять на Иран, на падение алавитского режима ал-Асадов и т. д.

Одним из важных событий середины лета 2011 г., ярко демонстрирующих позицию Соединенных Штатов относительно Сирии, стала атака манифестантов, поддерживающих режим Башара ал-Асада, на американское и французское посольства в Дамаске. Конфликт привел к тому, что посольство США в Сирии было закрыто, а посол Роберт Форд покинул страну [Sharp 2012]. Недовольство

проправительственно настроенных демонстрантов было вызвано тем, что Франция и США официально поддерживали сирийскую оппозицию, неоднократно посещали охваченные волнениями города, проводили встречи с оппозиционерами и, по некоторым сведениям, снабжали их оружием и средствами спутниковой связи [Protesters... 2011]. Руководство этих стран призывало к введению самых жестких мер в отношении режима Башара ал-Асада, а президент США Барак Обама выразил восхищение мужеством оппозиционных демонстрантов [Эксперт Online 2011].

Весьма показательным является и поведение представителей Соединенных Штатов во время обсуждения резолюций ООН по Сирии 5 октября 2011 г. и 4 февраля 2012 г. после наложения на них вето Россией и Китаем. Так, официальным ответом государственного секретаря Соединенных Штатов Хиллари Клинтон на окончательное решение Совета Безопасности ООН было следующее: «Страны, продолжающие поставлять режиму Башара ал-Асада оружие, из которого стреляют по невинным мужчинам, женщинам и детям, должны крепко задуматься о том, что они делают. Эти страны заняли неверную сторону с точки зрения истории. В этом споре они защищают совсем не тех, кого следовало бы» [Клинтон: Россия... 2011].

Ситуация еще больше осложнилась после того, как 21 августа 2013 г. в ряде западных и арабских СМИ появилось сообщение о применении химического оружия в пригороде Дамаска [Benkorich 2013; Shachtman 2013; Nuriyeva 2013]. Страны Запада возложили всю ответственность за происходящее на сирийский режим. Президент США Барак Обама 30 августа заявил о возможности нанесения военного удара по Сирии после 9 сентября. При этом следует упомянуть, что турецкий премьер-министр Р. Эрдоган призвал США не ограничиваться только воздушным ударом, а организовать военное наступление. Началось сосредоточение американских военно-морских сил в Средиземном море. Готовность поддержать США в случае военной операции выразила также Франция (правда, Германия и Великобритания от такой поддержки воздержались).

Таким образом, возникла реальная опасность интернационализации конфликта по сценарию, близкому к ливийскому, или даже с угрозой более непосредственного и интенсивного участия в нем США и некоторых их союзников.

Однако эскалации конфликта удалось избежать в первую очередь благодаря позиции России и личным переговорам между В. В. Путиным и Б. Обамой во время саммита G-20 в Санкт-Петербурге в сентябре 2013 г., в результате чего стало возможным разблокирование ситуации путем достижения договоренности с сирийским правительством о ликвидации химического оружия.

Несмотря на то, что в большинстве арабских стран изначально преобладали антиасадовские настроения, все же позиция Лиги арабских государств была далека от единодушия. С одной стороны, Совет по экономическим и социальным вопросам Лиги арабских государств еще в ноябре 2011 г. разработал пакет санкций, в соответствии с которыми предусматривалось замораживание финансовых операций с Центральным банком Сирии и вводились некоторые ограничения на въезд высокопоставленных сирийских чиновников в другие арабские страны. Министры иностранных дел ЛАГ также приняли решение о приостановлении членства Сирии в заседаниях Совета Лиги [Syria forms... 2012]. Однако к концу 2011 г. среди членов Лиги возникли первые разногласия. Так, уже спустя две недели после начала работы наблюдателей от ЛАГ в Сирии в декабре 2011 г. от арабских дипломатов начали поступать противоречивые сведения о положении дел в стране. Более того, среди наблюдателей, по сути, произошел раскол. В то время как одни характеризовали местную ситуацию как полноценную гражданскую войну, требующую срочного вмешательства мирового сообщества, другие перестали демонизировать сирийский режим, заявляя о необходимости переговоров с сирийским президентом и возлагая ответственность за жертвы среди мирного населения и на правительственные войска, и на солдат Свободной сирийской армии.

Союзники режима среди арабов. Вообще стоит отметить, что с начала Арабской весны режим ал-Асада пользовался поддержкой четырех арабских стран: Ливана, Ирака, Палестины и Алжира, причем позиция каждой из них имела серьезные основания. Ирак и Ливан, например, хотели предотвратить вспышку гражданской войны у собственных границ. Особенно актуально это для Ливана, который традиционно ощущает высокую степень зависимости от Сирии. Между тем дальнейшее разрастание гражданской войны вследствие падения сирийского режима кажется вполне вероятным, поскольку сирийское общество крайне разнообразно и разобщено.

Если режим все-таки падет, отдельные религиозные и этнические группы будут стремиться или к независимости (как курды), или к узурпации власти в стране, и в этом случае конфликт обязательно перекинется на Ливан, где поддерживающая ал-Асада шиитская «Хезболла» сразу подвергнется атаке со всех направлений: со стороны Израиля, христиан-маронитов и мусульман-суннитов.

Палестина также видит в ал-Асаде последовательного врага Израиля и борца за независимость палестинских территорий. Действительно, борьба за провозглашение Палестинского государства всегда оставалась одним из ключевых пунктов внешней политики Сирии. Со своей стороны Алжир поддерживает Сирию прежде всего потому, что его лидер Абдель Азиз Бутефлика изначально занял весьма консервативную позицию в отношении событий Арабской весны, критикуя ее деструктивный потенциал. Однако давление со стороны монархий Персидского залива влияло и на его позицию: несколько раз Алжир воздерживался при голосовании по Сирии в рамках Совета ЛАГ.

Кроме того, позиция Египта и Йемена в отношении сирийского конфликта переменилась после революций 30 июня 2013 г. и 21 сентября 2014 г. соответственно. В стране пирамид к власти вновь пришли военные во главе с Абд ал-Фаттахом ас-Сиси, заинтересованные в урегулировании сирийского конфликта и настроенные на выстраивание дружественных отношений с Россией. В Южной Аравии на первые роли стали выходить хуситы, ориентированные прежде всего на Иран и Российскую Федерацию, что предопределило и их позицию в отношении принципиального для Москвы и Тегерана ближневосточного вопроса. Но в связи с дальнейшей эскалацией конфликта в Йемене (см. *Главу 4*) сегодня о поддержке Асада можно говорить только в отношении властей в Санае.

Другие союзники. Это прежде всего Россия, стремящаяся к сохранению за Башаром ал-Асадом поста президента, недопущению иностранного вторжения, упрочению своих позиций в регионе и т. д. Ключевым моментом в развитии сирийских событий 2011–2012 гг. стало вето, наложенное Российской Федерацией на резолюции Совета Безопасности ООН в отношении Сирии с целью исключить вероятность вооруженного вторжения в эту страну и повторение ливийского сценария. 7 февраля 2012 г. состоялась встреча мини-

стра иностранных дел России С. Лаврова и президента Сирии Б. ал-Асада, в ходе которой последний пообещал провести комплекс реформ в стране (о позиции России в это время и в 2013 г. см., например: МИД РФ... 2013; Behind Russia's Syria 2013; Жуков 2013). Во время этой же встречи было заключено соглашение о размещении на территории Сирии российских антирадаров, направленных против американской системы противоракетной обороны [Исаев 2012б].

Стратегический интерес России в стабилизации сирийского кризиса обуславливается тем, что Сирия является одним из немногих союзников РФ на Ближнем Востоке. Кроме того, поддержка сирийского народа, с которым у России сложились давние и тесные связи, выглядела весьма грамотным шагом накануне президентских выборов в России: так, укрепление политического имиджа В. В. Путина как руководителя страны, который «своих не бросает», увеличивало шансы на успех в предвыборной кампании. Подобный шаг способствовал предотвращению раскола элиты, особенно в свете предстоящего решения ливийского вопроса. Помимо всего прочего, активная поддержка странами Запада сирийской оппозиции провоцирует ответную поддержку режима Башара ал-Асада со стороны России.

Россия уже неоднократно давала понять, что сирийский вопрос является для нее принципиальным. Во-первых, неудачное разрешение ливийского конфликта, приведшее к полной дестабилизации, показало руководству нашей страны, какие последствия влечет безответственное вмешательство в конфликты. Даже многие аналитики в Европе теперь стали осознавать это, а также то, что авторитарные режимы сохраняли стабильность в регионе. «Прежде всего нужно усилить существующие меры безопасности и отказаться от любого потворства радикальному исламу, даже если его финансируют наши друзья и союзники из Персидского залива. *В долгосрочной перспективе стоит воздержаться от новых военных авантур против таких авторитарных режимов, потому что их свержение только порождает хаос*», – пишет, например, Ф. Баланш [Balanche 2012; выделено нами. – Авт.]. Во-вторых, широкая поддержка Западом внесистемной российской оппозиции подталкивает В. В. Путина к ответной принципиальности во внешнеполитических вопросах, одним из которых стал сирийский. Очевидно,

что российское руководство и впредь будет препятствовать любому внешнему вмешательству в то, что оно считает внутренними делами Сирии. Наконец, в-третьих, у Российской Федерации в Сирии есть и другие стратегические интересы. В частности, морской порт Тартус остался единственным в Средиземноморье, куда беспрепятственно могут заходить военные корабли России; кроме того, именно на территории Сирии расположена единственная российская военная база на Ближнем Востоке. В сентябре 2015 г. поддержка Россией режима ал-Асада перешла на новый уровень. В связи с этим следует упомянуть речь президента В. В. Путина в ООН 28 сентября 2015 г., в которой он подтвердил, что Россия по-прежнему считает президента Башара ал-Асада единственным легитимным президентом в Сирии, а также заявил, что Россия готова оказать его режиму военно-техническую помощь в борьбе против террористического «Исламского государства». Наконец по просьбе сирийского правительства Российская Федерация с конца сентября 2015 г. стала наносить авиаудары по позициям ИГ. Правда, имеется опасность, что по разным причинам ракетно-бомбовые удары также могут затронуть и позиции сирийской неисламистской оппозиции.

Развитие внутрисирийского конфликта и превращение его в тупик. Как мы уже говорили, нарастание напряженности в Сирии и перерастание протестов во внутриобщественный конфликт с применением насилия началось 15 марта 2011 г. Можно упомянуть события в пограничном с Иорданией городе Дерья, где восставшие практически овладели городом и удерживали его в течение двух месяцев. Эти события всколыхнули всю страну. Практически сразу вслед за началом этого восстания вспыхнули массовые волнения в Дамаске, Алеппо, Хомсе, Хаме и целом ряде других городов и районов страны. Резкая реакция на эти выступления правительственных сил, включая расстрелы демонстрантов, только обострила противостояние оппозиции и правительства, которое то усиливалось, то ослабевало в течение нескольких месяцев. Так, в начале июня в акциях протеста по всей стране приняло участие около 3 млн человек [Коротаев, Исаев, Шишкина 2013]. Все чаще стали звучать требования смены политического режима. Одновременно активизировались сторонники президента ал-Асада. Начиная с апреля-мая в Дамаске, Тартусе и некоторых других городах прошли демонстра-

ции в поддержку Башара ал-Асада, и они тоже носили массовый характер [Исаев, Шишкина 2012б], что говорило о наличии в стране серьезной базы поддержки режима. Начались маневры правительства с целью ослабления конфликта. Уже в конце марта был отправлен в отставку кабинет министров, который до этого практически бессменно управлял страной с 2003 г., а в его новый состав вошли в том числе и представители умеренной оппозиции левого и либерального толка. Вслед за этим был отменен режим чрезвычайного положения, выпущен из тюрем целый ряд политзаключенных, смещены многие губернаторы провинций. Президент даже счел нужным признать правоту требований протестантов, извиниться перед семьями погибших, что было практически беспрецедентным в практике авторитарных правителей Ближнего Востока. Эти меры были направлены на расширение социально-политической базы режима и одновременно на стимулирование размежевания в рядах оппозиции, чтобы по меньшей мере нейтрализовать ее умеренную часть, а в лучшем случае – склонить на сторону режима. Не сразу, но постепенно данные меры стали давать свои плоды (однако, как выяснилось в дальнейшем, этого тоже оказалось совершенно недостаточно для выхода из обозначившегося тупика).

Особенно очевидным это стало в 2012 г., когда, по сути дела, начался новый этап конфликта, придавший ему ряд принципиально иных черт и иной, выходящий (хотя в этот период еще весьма относительно) за сирийские национальные рамки характер. Во время перемирия, начавшегося 12 апреля 2012 г., сирийскому правительству удалось сделать важный шаг на пути внутренней консолидации. 8 мая прошли выборы в парламент, которые впервые после прихода к власти баасистов в 1963 г. проводились на альтернативной многопартийной основе. Несмотря на всю остроту внутреннего конфликта, в них приняли участие более 50 % избирателей. Победа в выборах блока «Национальное единство» во главе с партией «Баас», так же как само проведение выборов и процент участия в них избирателей, укрепили легитимность режима на внутривнутриполитическом поле, что, правда, еще отнюдь не означало перелома в ходе гражданской войны, однако усилило веру режима и его сторонников в такую возможность.

С другой стороны, в 2012 г. благодаря военной помощи сирийской оппозиции, а также ряду ошибок ал-Асада оппозиционерам

удавалось достичь заметных военных успехов. Неудивительно, что середина 2012 г. рассматривалась силами вооруженной оппозиции и поддерживавшими их арабскими и западными странами как решительный перелом в их пользу, предвещающий скорый и неминуемый крах существующего режима. Действительно, в июле бои шли на улицах Дамаска, а в начале августа повстанцам удалось захватить значительную часть северной столицы страны Алеппо [см. подробнее: Сирук 2012; Nasr 2012b; Secker, Russell 2012].

Однако в первой половине 2013 г. Башару ал-Асаду все-таки удалось переломить противостояние в Сирии в свою пользу, в результате не только внутренняя, но и международная обстановка стала складываться в пользу действующей власти. Во-первых, внутри страны на целом ряде фронтов режиму удалось потеснить силы оппозиции, а победа внутри нее наиболее одиозных радикальных исламистских сил, связанных с «Ал-Каидой», ставила под сомнение дальнейшую возможность поддержки этих сил оппозиции со стороны не только Запада, но и арабских режимов.

Во-вторых, в региональном плане началось практическое формирование шиитской оси не только в виде прямого выступления «Хезболлы» на стороне сирийского режима, но и при помощи начавшейся военно-политической поддержки его со стороны Тегерана, что было бы вряд ли возможно без молчаливого участия иракского режима во главе с шиитским премьером Нури ал-Малики. Кроме того, стал достаточно очевидным и общекурдский консенсус в виде формально позитивного нейтралитета в отношении сирийского режима при очевидной, в том числе военно-политической, поддержке, оказываемой иракскими и турецкими курдами своим сирийским собратьям, что также шло на пользу сирийскому режиму, а вовсе не какой-либо из фракций вооруженной оппозиции.

Однако во второй половине 2013 г. на авансцене, помимо чисто сирийской по своему происхождению «Джабхат ан-Нусра», появились боевики действовавшей до этого в основном в иракской провинции Ал-Анбар и осуществлявшей террористические акты практически на всей территории Ирака организации под названием «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ; подробнее об этом образовании см. *Главу 5*). Эта организация, созданная в апреле 2013 г. на базе иракского филиала «Ал-Каиды», активно действо-

вавшего в стране уже в течение десятилетия, теперь заявила о себе как структура, несущая прямую угрозу существованию уже двух национальных государств.

На рубеже 2013–2014 гг. складывавшаяся в регионе обстановка, казалось, предвещала генеральное развитие дальнейших событий в виде усиления противостояния именно по линии суннитско-шиитского противоборства, причем с перевесом в пользу шиитов. В пользу этого, казалось, свидетельствовали и события, развивавшиеся в первые месяцы 2014 г. Продолжавшиеся столкновения между «Джабхат ан-Нусра» и ИГИЛ ослабляли общий потенциал суннитских радикалов, воевавших в Сирии, и позволяли вооруженным силам сирийского режима развивать успешное наступление на их позиции. Относительный успех ИГИЛ в противоборстве со своими радикальными конкурентами также был на руку и сирийскому, и иракскому режимам, тем более что руководство «Ал-Каиды» в лице Аймана аз-Завахири выразило в этом противоборстве однозначную поддержку «Джабхат ан-Нусра», признав его в качестве своего единственного легитимного филиала в Сирии, одновременно отказав в подобном статусе ИГИЛ.

При достаточной координации усилий между руководством Сирии и Ирака создавались условия для нанесения ими совместного решительного удара прежде всего по ИГИЛ, что могло бы способствовать достижению стратегического перевеса в противоборстве с радикальными исламистами в обеих странах. Однако этого не произошло, а победа ИГИЛ над «Джабхат ан-Нусра» и последующее создание халифата на захваченных исламистами территориях Сирии и Ирака создало принципиально новую ситуацию в регионе.

После создания «Исламского государства» конфликт окончательно перешагнул страновые рамки. Таким образом, региональный конфликт приобрел поистине многомерный характер, что значительно повышает дальнейшие риски его разрастания в направлении любой из расположенных здесь стран. Одновременно увеличиваются риски перерастания любого из серьезных внутренних конфликтов в новый компонент общерегионального.

Сирийский конфликт превратился в политический тупик, причем тупик не просто регионального, но мирового масштаба. В первых, у самих противоборствующих сил внутри Сирии нет ника-

кого явного перевеса, война идет на истощение. Но это истощение не воюющих сторон, а государства в целом. Во-вторых, в конфликт прямым образом вмешались несколько соседних стран, при этом никакой явной цели они не обозначают. В-третьих, в результате ослабления режима ал-Асада появились новые игроки. Это курды, усиление которых крайне беспокоит Турцию и появление государства которых может дополнительно взорвать Большой Ближний Восток. В-четвертых, с появлением и активизацией «Исламского государства» фактически образовался ирако-сирийский тупик с курдским «сюрпризом». И в этот узел включились Турция, Ливан (и в особенности шиитская «Хезболла»), Иран, Саудовская Аравия, Катар, в той или иной мере государства Залива, частично даже Израиль, теперь также Россия и ряд других игроков. В-пятых, несмотря на все возрастающую опасность «Исламского государства», политика в отношении этого монстра со стороны США, Европы, Саудовской Аравии и других ведущих сил не отличается последовательностью. Создается впечатление, что в какой-то мере ИГ еще тайно покровительствуют. В то же время очевидно, что победить его без союза с режимом ал-Асада маловероятно. Однако США, государствам Залива и Израилю пока кажется, что именно ал-Асад для них – заклятый враг. Возможно, они надеются, что удастся сначала свергнуть ал-Асада, а затем нейтрализовать террористов «Исламского государства». Это опасная иллюзия. Но до выборов президента в 2016 г. США вряд ли рискнут заявить о каком-либо признании ал-Асада, тем более что для этого необходимо дополнительно договариваться с Россией. Тем не менее активизация политики России в Сирии все-таки заставила Дж. Керри, главу госдепартамента США, заявить, что Соединенные Штаты не настаивают на немедленном свержении ал-Асада (правда, они и не могут его свергнуть).

Имеется еще целый ряд сложных противоречий в сирийско-иракском тупике. Выходом из него могла бы стать только честная и конструктивная попытка крупнейших мировых игроков найти консенсус, целями которого были бы стабилизация обстановки, прекращение гражданской войны и создание мощной всеобъемлющей антиигиловской коалиции, включающей в себя не только США и их союзников, но и такие страны, как Россия и Иран (в создании такой коалиции и заключаются предложения В. В. Путина). Даже

в таком случае примирить враждующие стороны и различные страны региона было бы крайне сложно. Но с учетом нежелания США и Запада отказаться от маниакальной идеи свергнуть ал-Асада (и создать тем самым еще больший хаос и конфликт в регионе) выхода из данного тупика пока не видно.

* * *

Сирийский тупик сегодня – это не просто неразрешимый узел противоречий в рамках одной страны или даже региона. Это, по сути, всемирный тупик, который демонстрирует бесплодность курса США и Запада на усиление конфронтации с Россией и региональными державами, на подрыв стабильности ради иллюзорных выгод, политики, которая игнорирует интересы множества стран и их законное желание жить иначе, чем угодно Западу. Это тупик, который демонстрирует, что ни заигрывания с радикальными исламистами, ни попытки силового давления на них не являются продуктивными. Напротив, все это дает радикалам дополнительные силы. Короткая, но яркая история Арабской весны, переродившейся в «осень» (равно как и иракская трагедия, длящаяся уже полтора десятка лет), показывает, что наиболее эффективной сдерживающей силой и заслоном от распространения радикального исламизма выступали как раз авторитарные светские режимы, против которых была направлена волна радикальной революции. Таким образом, выход из сирийского тупика, как и из тупика ближневосточного, заключается в поиске компромисса интересов, в установлении наиболее стабильных режимов во всех государствах, где они пошатнулись, равно как и поддержке тех режимов, которые сумели сами установить порядок в своих странах.